

Российская Академия наук
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

117036 Москва, В-36
ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 126-94-66
факс (095) 126-39-55

Президенту
Международного Центра Рерихов
Ю.М.Воронцову

18.10.2006 № 14105 — 2115, 4-14

На № _____

Первому вице-президенту
Международного Центра Рерихов
Л.В.Шапошниковой

Уважаемый Юрий Михайлович!

Уважаемая Людмила Васильевна!

Направляем Вам заключение по диссертации В.А.Росова "Русско-американские экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)", подготовленное одним из ведущих специалистов Института российской истории РАН, руководителем Центра истории народов России и межэтнических отношений доктором исторических наук В.В.Трепавловым.

Директор

Института российской истории РАН

член-корреспондент РАН

А.Н.Сахаров

А.Н.Сахаров

Отзыв о диссертации В.А.Росова “Русско-американские экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)”, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Многогранная деятельность Н.К.Рериха – выдающегося русского художника, путешественника и мыслителя – традиционно привлекает внимание отечественных исследователей. Она давно изучается и подробно описана во множестве научных и популярных работ. В.А.Росов считает, что за пределами внимания ученых остался важный аспект деятельности Рериха – его политические взгляды и практическая деятельность по их воплощению в жизнь. Действительно, до сих пор культурно-философские воззрения Рериха не анализировались с точки зрения геополитики и международной политики 1920–30-х годов. Диссертант посчитал, что сведения некоторых источников и его анализ рериховских экспедиций в Центральную Азию позволяют увидеть в Николае Константиновиче не только выдающегося деятеля культуры, но и приверженца “Великого плана” по строительству “Новой страны” в том регионе. Материал, представленный в диссертации, призван подтвердить и обосновать такую интерпретацию.

Очевидно, суть исследовательской методологии диссертанта выражена в одной фразе в середине работы: “Рерихи, как показывает изучение их биографии, лишних слов не роняли” (стр. диссертации 207). Исходя из такого подхода, автор ищет и находит намеки на некий глобальный замысел, проступающий из отрывочных и разновременных оговорок в дневниках, письмах и статьях. “Расшифровка” намеков приводит его к предельно спорным заключениям.

К таковым можно отнести, к примеру, трактовку рассуждений Рериха о грядущем приходе в мир будды Майтрейи как осмысленной политической программы. Неоднократно заявляется о наличии у Рериха “Великого (или Мирового) плана”. Осуществление этого “плана” якобы связывалось с его надеждами то на большевиков, то на тибетских буддистов, то на американцев... В диссертации уверенно постулируется стремление Рериха создать “монголо-сибирское государство” со столицей в Звенигороде на Алтае; этапами на этом поприще и стали Тибетская и Маньчжурская экспедиции, которым посвящена диссертация.

Однако приводимые В.А.Росовым сведения не позволяют согласиться с подобной трактовкой как экспедиций, так и активной работы их руководителя по налаживанию связей с самыми разными политиками, написанию книг, статей и лекций, созданию живописных полотен и т.д. В статьях и письмах Н.К.Рериха и членов его семьи в самом деле неоднократно встречаются понятия “Новая страна” и “Мировой план”. Похоже, диссертант слишком буквально воспринял эти мыслительные конструкции и, отождествив идеальную “страну” с государством, которому будто бы суждено появиться на карте, приписал своим героям не присущие им намерения.

Создается впечатление, что автор часто домысливает за Рериха его планы и прогнозы. Так, в двух лаконичных фразах из дневника Рериха начала 20-х годов (а именно: “Кто поймет Великий план?” и “Союз народов Востока назревает”) ему видится зарождение идеи “Новой страны”. Поскольку никаких данных об этой “рериховской” идее больше нет, далее В.А.Росов излагает геополитические конструкции других политиков, связанных с Центральной Азией, – Бадмаева, Унгерна и Краснова (стр. 33–38).

Одержимый идеей “объединения буддистов Запада и Востока”, Рерих-де “сделал ставку на Панчен-ламу” (стр. 47). В качестве “доказательства” вновь привлекаются лапидарные пассажи о панчене из путевого дневника, в которых не обнаруживается ни малейшего намека ни на “ставку” на него, ни на буддийскую унию. Не имея даже косвенных подтверждений данного тезиса, диссертант тем не менее сначала уверенно заявляет о существовании такого замысла у Рериха, а затем приступает к его лабораторному открытию “путем реставрации тех связей, которые возникли у Н.К.Рериха с представителями советского представительства в Урге правительства МНР и монгольского ламства” (с. 48). На наш взгляд, “реставрировать” хитроумное использование тибетского первосвященника для объединения буддистов В.А.Росову не удалось.

Столь же голословным оказывается утверждение о “собственном плане” Рериха “использовать имя и авторитет Панчен-ламы в религиозной войне буддистов” во имя создания нового государства (с. 53).

Особый сюжет составляют связи Рериха с Советской Россией. Встречи и переписка с различными большевистскими руководителями определенным образом повлияли на его мировоззрение. Эпизодически возникали при этом и меч-

ты о некоем будущем сообществе народов – “Новой стране” и “Единой Азии” под водительством СССР (см. с. 79, 80, 97, 110). Но опять это были лишь случайные упоминания, которые вовсе не отражали главных направлений деятельности художника. Довольно подробно рассказав о его активном сотрудничестве с большевиками в 20-х годах, диссертант ниже пишет нечто противоположное – о том, будто уже в 1921 г. в головах Рерихов вызревала идея освободительного антисоветского похода на Россию через Центральную Азию. Не сумев найти аргументов и на сей счет, В.А.Росов поясняет: “Конкретного плана не существовало, только магистральное направление” (с. 216) – т.е. получается, что именно таковым оказывалось “магистральное направление” дум и дел Рериха!

Следует заметить, что несмотря на заявленное широкое введение в оборот новых источников из американских архивов, диссертанту не удалось обосновать не только стремление к практическому строительству “Новой страны”, но и продемонстрировать существование сколько-нибудь стройных его представлений Рериха о ней. Относительно развернутые рассуждения на эту тему приводятся в диссертации не по текстам, вышедшим из-под пера Н.К., а по записям его жены (см. с. 110, 129, 130, 173–175, 218, 301, 302 и др.). Это относится, в частности, к утверждению, будто экспедиция на Алтай 1926 г. послужила этапом в планировании будущего “монголо-сибирского государства” (с. 25, 173). Совершенно надуманной и необоснованной выглядит идея о связи между, с одной стороны, экспедиционными планами Рериха, с другой – крестьянским повстанческим движением в Сибири 1933 г. и сочувствующими им русскими эмигрантами (с. 184, 185).

Можно согласиться, что “Новая страна” занимала определенное место в идейных исканиях. Но она отнюдь не служила руководством к действию. То же можно сказать и об американском этапе экспедиционной активности Рериха. Вновь в диссертации утверждается, что с помощью высокопоставленных американцев (вплоть до президента Рузвельта) Рерих стремился к конструированию нового государства. Но здесь автор хотя бы смог в подтверждение привести не только односложные дневниковые записи и собственные умозрительные построения, но и обвинение эмигрантской харбинской газеты в намерении Рериха создать “масонское государство” (с. 276, 295) (кстати, связь художника с масо-

нами практически выпала из поля зрения диссертанта, хотя на этой почве можно было бы создать не менее “захватывающую” версию его биографии).

В целом название диссертации не соответствует ее содержанию. В.А.Росов почти не затронул научную и культурную составляющую путешествий Рериха в Тибет и Маньчжурию, необоснованно выставив на первый план умозрительно реконструированную политическую подоплеку. Главный тезис автора о том, что “обе экспедиции... были напрямую инициированы идеей построения монголо-сибирского государства” (с. 364) остался не подкрепленным убедительными свидетельствами источников. Вероятно, если бы диссертант шире привлек к анализу труды самого Н.К.Рериха и использовал многочисленные исследования рериховедов (в частности, фундаментальные работы Л.В.Шапошниковой), он смог бы уяснить истинное место “Великого плана” в идейных поисках знаменитого художника и мыслителя. “Новая страна” должна расцениваться скорее в качестве гуманитарной категории, но не как геополитическая концепция.

Рецензируемая диссертация как по постановке, так и по решению заявленных задач не вносит новизны в историографию отечественной истории. Обсуждаемые в ней проблемы представляются искусственными, умозрительными и неаргументированными. Считаю, что исследование такого качества не может служить основанием для присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
руководитель Центра истории народов
России и межэтнических отношений,
доктор исторических наук

В.В.Трепавлов
В.В.Трепавлов

